Шейнцвит-Антоновская Майя Иосифовна

Моя семья во время Великой Отечественной войны

Мои мама и папа - Полина Абрамовна Столбун и Иосиф Тевелевич Шейнцвит - поженились 29 октября 1929 года в Киеве. Затем папа служил в дорожных войсках Красной Армии около Ленинграда и одновременно учился на автодорожном факультете института железнодорожного транспорта, мама работала. По окончании учебы в 1934 году наша семья уехала строить дороги в Среднюю Азию. Мне было три года. В 1936 году появился на свет мой брат Абрам, а в 1938 - брат Михаил. К тому моменту папу перевели в Минск, где нас и застала война.

20 июня 1941 года был день рождения у моего среднего брата. Но папа был в отъезде, и праздник перенесли на воскресенье - 22 июня. Папа вернулся вечером накануне, а в 4 утра уже бомбили Минск. Взрослые предполагали, что это учебная тревога. В 10 ч. утра руководители «Форпоста» пригласили жителей нашего дома оборудовать бомбоубежище в подвальном этаже. Вход был из соседнего подъезда. Жильцам предложили наклеить полоски бумаги на стекла окон, чтобы уберечь их. Утром папа надел военную форму, которая всегда висела за дверью, и уехал.

В 12 ч. дня по радио выступил Молотов, и стало ясно, что происходит. Немцы бомбили Минск почти непрерывно. Детей старались держать в бомбоубежище – в подвале дома. Утром 23 июня к нам во двор приехали машины с беженцами из районов, пограничных с Польшей. Эти люди были в ночных рубашках, вид их навеял ужас даже на детей. Приехавшие кричали, плакали, искали своих родных и детей, которых среди нас и не было. Они буквально ушли от смерти.

Мы уже сутки не поднимались в квартиру, и утром 24 июня нам было сказано быстро собрать вещи (только самые необходимые) - пришел грузовик. Папа не мог приехать. Нас – меня, двух братиков и бабушку – подняли в машину. Мама пошла закрывать квартиру. Второпях взяла чемоданчик, в котором были не вещи, а сто штук яиц (папа привез их накануне). Других вещей взять не разрешили, так как машин было мало, а женщин и детей - много.

Колонна машин из города, из-под бомб, двинулась в сторону Смоленска, где предполагалась, что нас пересадят на поезд. Немцы бомбили не только город, но и всё, что двигалось по дороге.

В наш дом бомба попала через два часа после того, как мы уехали.

Наша машина попала под обстрел. Шофер и еще кто-то погибли. Все, кто не мог дальше ехать, шли пешком. Наша семья была в этом потоке. Старались идти лесом, в темноте. Не могу сказать, сколько времени ушло на этот переход. Не доходя до Смоленска, нас погрузили в теплушки. Там до нас были или коровы, или кони. Состав через какое-то время прибыл в Новокузнецк. Это где-то за Пензой. В дороге начались первые голодные дни. Детям давали яйца из нашего чемодана, который чудом оказался с нами. В других вагонах еды не было.

На станции нас сгрузили в железнодорожный клуб, где с нами несколько дней разбирались. Отмыли, дали одежду и распределили в частный сектор. Нашу

семью долго никто не брал. Но мир не без добрых людей – нас взяла одна женщина, которая держала корову. Корова была очень вредная – надо было не зевать, когда стадо вечером возвращалось домой, корова могла боднуть. Но наши мальчишки опасности не чувствовали, поэтому однажды одного из них корова подняла на рога и кинула на крыльцо. Это был первый урок общения с живой природой.

В августе, не имея никаких вестей от папы, без документов (кроме пропуска в закрытый магазин), мы получили денежное довольствие, как семья командного состава. Получив какие-то деньги, мама решила ехать к сестре в город Спасск, в Рязанскую область.

Мы сели в поезд, который не довез нас до Москвы. После пересадок приехали в Рязань. Оттуда по реке Оке - в Спасск, где железной дороги не было. Всё было прекрасно. Здесь шла своя жизнь, без бомбежек. Были одежда, еда и кров.

Но обстановка была тревожной. Немцы наступали на Москву. Люди, ответственные за пребывание в городе эвакуированных, посоветовали маме уехать. Нас погрузили на пароходик, по Оке мы отправились к Волге. Ближайшим спокойным пунктом назначения считался Горький. Но бомбежки были уже и там. Нас высадили на берег для дальнейшего продвижения в тыл.

Берег был заполнен женщинами, стариками и детьми. Все ждали транспорт. Но тех, кто успел зайти на баржи и отплыть, ждала гибель от бомб. Когда нас хотели посадить на очередную баржу, наша бабушка закапризничала. Мы остались на берегу, а в реке на наших глазах произошла трагедия – утонула баржа с детьми.

Наш путь оказался удачным. Ночью мы всё же сели в баржу и покинули этот ад. Мы пошли вверх по р. Каме, а сколько длилось наше путешествие в холодном и голодном трюме, сказать трудно.

В ноябре мороз заковал нашу баржу в лед. Еще какое-то время ждали, пока лед окрепнет. По льду нас высадили на берег. Это была деревня Пещоры, колхоз «Красный маяк», Молотовская область, Осинский район, Горский сельсовет.

На берегу местные жители стали разбирать себе постояльцев. Мы попали в компанию москвичей, у которых были узлы с вещами. Их определили в первую очередь. А нашу семью долго никто не приглашал.

Сжалилась женщина, у которой тоже было трое детей. Ее муж работал в городе, в мастерской по изготовке лыж. Его звали Андрей Спиридонович Занин. У него была изба с русской печкой и полатями – единственная кровать была хозяйской. Им и самим было тесно, а тут еще пять человек.

Бабушку с начинающейся гангреной на отмороженных ногах поместили на кровать, остальных – на полати и печку: грейтесь и живите. Доброта хозяйки нас спасла. Нас накормили и одели. Впереди была длинная и холодная зима.

Мама получала деньги по аттестату мужа-командира, для чего ездила в город на попутных лошадях. Купить там можно было лишь мазь от чесотки и лекарство для бабушки.

Ели мороженую кислую капусту с картошкой в мундире, щи из русской печки, по кусочку хлеба своей выпечки, кисель из молотого гороха. Изредка - молоко из замороженных «дисков», с хлебом. Весной, когда появилась зелень в огороде, стало веселей.

Школа была в соседней деревне. Нас возили туда на санях. Одеть было нечего. Только если хозяйские дети оставались дома, я ехала в школу в их одежде. Такой была моя учеба в третьем классе.

Мои братики не видели улицу до весны, так как дом был завален доверху снегом. Мама ходила теребить лен в колхоз, а бабушка плакала от боли и страха – что будет дальше?

Весной хозяйка мне доверила пасти гусей и только что выведенных гусят. Злого гуся я боялась: он вытягивал шею и шипел на меня, если ему что-то не нравилось. У воды надо было не потерять маленьких гусят, которые разбегались.

Одним из юмористических эпизодов был приезд хозяина раз в месяц. Он нас жалел по-своему, каждое доброе слово сопровождалось двумя матерными, что быстро усвоили мои братики. Ритуал возвращения из баньки в валенках и вывернутом полушубке, с криком: «Манька, кальсоны!» - тоже стал игрой для малышей. Баня стояла на берегу Камы. Детей мыли в избе, в русской печке. Нам было очень трудно научиться вылезать из печки, не вымазавшись в саже.

Все читали молитву до еды и после. Хозяйский сын сопровождал эту процедуру специфическими звуками, чему способствовал горох. Миша усвоил эти действия и тренировал Абрашу.

Наступившее лето по сравнению с зимой в избе, занесенной снегом, побудило маму к необходимости выбираться в теплые края, в Среднюю Азию, где жила семья папиного брата. Отправили письмо, получили согласие и приглашение. В июне 1942 отправились в дальний путь – с Урала в Среднюю Азию.

Плыли пароходом по Каме до железнодорожной станции. Оттуда поездом - до Ташкента. Из Ташкента - поездом в город Узген. Затем в арбе, запряженной верблюдом, - через горы в село Мирза-Аки, где проживали наши родные.

Папин брат, дядя Натан, директор Мирза-Акинской школы, математик, был призван в Красную Армию в январе 1942 года. Письма от него перестали приходить уже летом, а к осени пришла похоронка. Его жена, тетя Галя, учительница начальных классов, и ее дети - Тамара, Борис, Юра - жили в просторном, богатом доме. Вместе с ними жили сестра тети Гали - Соня и племянники. Здесь нас радушно приняли.

Бабушку пришлось отвезти в больницу – гангрена сжирала ноги. Как ее там лечили, мы не знаем, но теплый климат и отсутствие нужного ухода ускорили ее смерть. Похоронили бабушку в городе Узгене. Сейчас ее могила потеряна.

Тамаре было в то время всего шесть лет, но она уже была очень деловой, как настоящая хозяйка. Всех мальчишек определили в детский сад. Там было сытно, и мама устроилась туда воспитательницей.

Через некоторое время приехали дети папиной сестры из Киева. Папина сестра, тетя Маня, погибла в Киеве при обстреле поезда, а мой дедушка, не захотевший уезжать из Киева, был расстрелян в Бабьем Яру.

Трагически сложилась и судьба Миши, младшего сына тети Мани. Он заболел дизентерией и умер в Узгенской больнице в возрасте двух лет. Муж тети Мани воевал на фронте, он остался в живых. После войны он увез своего сына во Львов.

В Средней Азии мы жили неплохо. Первый год давали хлебный паек. Летом и осенью поспевали фрукты в саду и овощи в огороде. Вместо занятий в школе ученики ходили на заготовку сушеных фруктов для армии. Там нас тоже подкармливали – колхозники делились с нами хлебом. А вот зимой и весной было голодно.

Деньги, которые мама получала по аттестату, мало значили. Продукты на них покупать не удавалось.

Я должна была учиться в четвертом, а затем и в пятом классе, но уроки велись нерегулярно. Школьников отвлекали на сельскохозяйственные работы: прополка, сбор колосков, полив посадок. Как велось обучение, такие были и знания, точнее, их не было.

Хотя школьное образование в с. Мирза-Аки было равно нулю, зато бытовая сноровка, благодаря тете Гале, появилась. Так я научилась вязать (не помню – спицами или крючком). Мы одевали детей в вязаные изделия, распуская чулки и прочие находки с чердака большого дома. Это занятие всех увлекало, отвлекало от других проблем, и для нас было способом одеться, так как купить что-то было сложно. Еще я научилась гадать (с кольцом и на картах) и разгадывать сны.

Из продуктов, которые были, придумывали разные экономичные блюда. Малыши всегда радовались чему-нибудь вкусненькому, например, лепешкам из кукурузной муки (о том, что такое печенье или конфеты, мы к тому времени забыли). Осень была богата фруктами и овощами. Ели и что-то заготовляли; сушили, квасили, солили.

В 1943 году, осенью, в село привезли выселенных с Кавказа чеченцев. Это были дети и старики. Вначале их поселили в клубе, а потом построили для них киргизские сакли. Население очень возросло, и вместо хлеба по карточкам стали давать кукурузу. Мы носили с мамой зерно на мельницу и радовались, что нести было тяжело, – это означало, что нас ждут лепешки. Однако мельник так умудрялся молоть и сыпать нам муку, что обратно нести было уже легко.

В детском саду тоже стало голодно, и вечерами вместо ужина малышам рассказывали сказки.

Мама затеяла отъезд в Россию - в Рязанскую область, в город Спасск, к сестре.

Летом 1944 года наша армия одерживала многочисленные победы. Мы выгоняли немцев с территории Советского Союза. Вскоре наша семья получила разрешение выехать к родственникам.

Это была героическая поездка. На перекладных добрались до Ташкента, потом с несколькими пересадками - до Рязани. Оттуда – в Спасск. Мы прибыли туда пароходом. Здесь жизнь крутилась вокруг пристани, куда приходили пароходы.

Город Спасск Рязанской области – одноэтажный городок с фабрикой выделки кожи. Там работал муж маминой сестры дядя Абрам. Он не был военнообязанным (из-за возраста и по болезни). Их младший сын Лева учился в восьмом классе, а старший, Сеня, был на фронте.

Мамина сестра, тетя Циля, держала козу, сажала табак на продажу. Мы поселились в том же домике, где жили они. Мои братики определились по возрасту – один пошел в первый класс, другой - в детский сад. Я пошла в шестой класс.

В школе был госпиталь, и учились все, кроме малышей, вечером в три смены. Весь день проводили в госпитале: помогали больным ходить, писать письма; устраивали концерты. В госпитале нас подкармливали.

Мама работала в военкомате в женской комиссии, которая помогала старикам и раненым в госпитале.

Паек был голодный, но сытнее, чем в Мирза-Аки. Покупать хлеб на рынке было дорого, но его можно было поменять на соль: полстакана соли – полбуханки хлеба. Соль приносил с фабрики дядя. Это была техническая соль, ее надо было долго мыть, сушить… Сами мы ее не ели – экономили, чтобы выменять на хлеб или крупу.

Нам дали огород вдали от дома. Это уже было лето 1945 года. Что-то сажали, пололи, поливали, но урожай был очень маленький. Весной на заливных лугах вырос дикий чеснок и лук. Это было лакомство Местные дети торговали на пристани ягодами. Их покупали на рынке, раскладывали по стаканам и продавали пассажирам. Я тоже бывала на пристани. Надо было суметь продать ягоды, так как нас было больше, чем покупателей. После двух раз я отказалась от этой затеи, зато дети наелись ягодами.

Еще к нам каким-то образом попал из американской помощи большой ящик карандашей. Это была выгодная торговля. Этим занимались мама и тетя Циля.

В школе давали старые учебники, но тетрадей не было. Учебники давали по одному на двух-трех учеников. Писали в книгах или сшитых из старых газет тетрадях. Это было в запасах у тети Цили.

Нашему первокласснику достался старый чехол от противогаза, и туда для солидности положили толстую книгу сказок – «Тысяча и одна ночь». Он был горд.

Весна 1945 года, кончался учебный год. 9 мая - Победа, а в нашем доме траур: умер Сеня, который после контузии вернулся в марте домой с диагнозом скоротечная чахотка. У евреев принято хоронить покойников в день смерти до захода солнца. Взрослые этим и занимались. Детей отправили к соседям. Смерть Сени надолго изменила обстановку в доме. Тетя Циля заболела. Нам с мамой пришлось заниматься хозяйством. Бодучая и упрямая коза, огород во дворе и в поле, приготовление еды, уборка и стирка. Но радость от того, что кончилась война, помогала преодолевать все трудности.

Папа, живой и здоровый, продолжал служить в рядах Советской Армии. Он и его сослуживцы трудились на восстановлении дорог и мостов в составе войск Третьего Прибалтийского фронта. От него регулярно приходили письма, в них папа обещал взять нас к себе, как только определится с жильем.

И вот за нами пришла машина, мы поехали к отцу. Приехали в Вильнюс 1 сентября 1945 года. Отец, увидев нас, расплакался – за четыре года войны мы не выросли, но сильно исхудали и выглядели нездоровыми.

Папе давали военный паек, и мы наконец-то стали есть досыта. Нас одели в школьную форму. Появились тетради ручки и карандаши.

Но в Вильнюсе было неспокойно – «советских» там не любили. Через год мы уехали в Калинин – туда перевели папу. Так для нас кончились трудные годы военных лет. Это было начало спокойной жизни в мирной стране.

После войны отец остался служить в Советской Армии, в дорожных войсках. Мы выросли, получили хорошее образование, работали. Я вышла замуж, братья женились. Отец ушел на пенсию в чине полковника, мама помогала детям в воспитании внуков и правнуков. Наших родителей давно нет с нами, но наши дети продолжают семейные традиции, у нас теплые и дружеские отношения, помогаем друг другу успешно шагать по жизни.